

В.И. Есин*

**ПОЛИТИКА США
В ОБЛАСТИ ПРОТИВОРАКЕТНОЙ ОБОРОНЫ
И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА СТРАТЕГИЧЕСКУЮ СТАБИЛЬНОСТЬ****

*Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт США и Канады Российской академии наук»
123995, Москва, Хлебный переулок, 2/3*

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Влияние программ противоракетной обороны (ПРО) на стратегическую стабильность начало проявляться в 1960-х годах. Первым, кто обосновал дестабилизирующую роль ПРО, был министр обороны США Р. Макнамара. В 1967 г. в своем выступлении в Сан-Франциско он отметил, что развертывание Соединенными Штатами и Советским Союзом широкомасштабной ПРО неминуемо приведет к непрекращающейся гонке вооружений и подрвет стратегическую стабильность. Р. Макнамара также указал на объективную взаимосвязь между наступательными и оборонительными стратегическими вооружениями. В конце XX в. США резко активизировали свои усилия по пересмотру достигнутых в годы «холодной войны» договоренностей с СССР в сфере ограничения систем ПРО и развертывания эффективной системы национальной противоракетной обороны. Статья посвящена рассмотрению эволюции американских программ по созданию системы ПРО. Особое внимание уделено вопросу о влиянии на развитие российско-американских отношений планов США по организации третьего позиционного района американской ПРО в Европе и реализации Европейского поэтапного адаптивного подхода (ЕПАП). Проанализировав проекты США по созданию региональных систем ПРО в Азиатско-Тихоокеанском регионе, на Ближнем Востоке и в районе Персидского залива, автор пришел к вы-

---

* *Есин Виктор Иванович* — кандидат военных наук, профессор Академии военных наук РФ, ведущий научный сотрудник Института США и Канады РАН, доцент кафедры международной безопасности факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: viktor-esin@mail.ru).

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-37-11136 «Влияние технологических факторов на параметры угроз национальной и международной безопасности, военных конфликтов и стратегической стабильности».

воду, что конечной целью Вашингтона является конструирование глобальной американской системы ПРО. В статье выделены и описаны характеристики и возможности различных компонентов американской ПРО, оценены три ее основные подсистемы: информационного обеспечения, ударных комплексов ПРО, боевого управления и связи. Автор заключает, что воплощение в жизнь американской программы создания глобальной интегрированной ПРО вкупе с наращиванием возможностей стратегических наступательных сил США неизбежно повлечет за собой нарушение существующей системы стратегической стабильности.

Ключевые слова: Соединенные Штаты Америки, США, противоракетная оборона, ПРО, стратегическая стабильность, третий позиционный район, Европейский поэтапный адаптивный подход, ЕвроПРО, НАТО, Российская Федерация, КНР, стратегические наступательные силы, стратегические ядерные силы.

После вступления в силу в сентябре 1972 г. Договора между СССР и США об ограничении систем противоракетной обороны (Договора по ПРО) обе страны отказались от строительства противоракетной защиты всей национальной территории и главное внимание стали уделять созданию и развертыванию систем ПРО театра военных действий (ТВД). Однако после распада Советского Союза в 1991 г. ситуация начала изменяться. Ослабление военного потенциала России, ставшей правопреемницей СССР, подтолкнуло консервативные республиканские круги в США к пересмотру ранее достигнутых договоренностей с Советским Союзом в области ПРО. И когда в начале 1995 г. обе палаты Конгресса США перешли под контроль республиканцев, законодатели стали требовать от администрации президента У. Клинтона¹ создания системы ПРО всей территории страны. С этой целью ими был внесен в Конгресс проект закона «Об укреплении национальной безопасности» (National Security Revitalization Act), который предусматривал развертывание системы ПРО национальной территории, как только это станет технически осуществимо [Фененко, 2013: 263, 264]. После того как законопроект о национальной противоракетной обороне (НПРО) был одобрен в компромиссном варианте, Пентагон 9 февраля 1995 г. принял программу по разработке и возможному развертыванию системы НПРО, получившую название Программа «3+3». Она предусматривала в течение 3 лет (к 2000 г.) разработать систему НПРО наземного базирования и в следующие 3 года (к 2003 г.) развернуть ее. При этом было оговорено, что если к 2000 г. реше-

---

¹ Уильям Джефферсон Клинтон является 42-м президентом США (1993–2001). На пост президента избирался от Демократической партии.

ние о развертывании НПРО не будет принято, то соответствующие разработки должны быть продолжены, чтобы в системе могли быть использованы самые современные технологии и к ее размещению всегда можно было бы приступить в течение 3 лет [Lewis, Gronlund, Wright, 1999–2000].

Эти действия США вызвали в России озабоченность, поскольку возникла неопределенность в отношении соблюдения Соединенными Штатами взятых ими обязательств по Договору по ПРО. На Московском саммите, прошедшем 9–11 мая 1995 г., президент России Б.Н. Ельцин и президент США У. Клинтон по инициативе российской стороны приняли совместное заявление, в котором указывалось, что «Россия и Соединенные Штаты привержены Договору по ПРО — краеугольному камню стратегической стабильности» [Lindsay, O’Hanlon, 2001]. При этом в отношении систем ПРО ТВД стороны договорились о том, что данные системы могут быть развернуты в рамках Договора по ПРО, но не должны вести к его нарушению. Президенты согласились также с тем, что масштабы развертывания комплексов ПРО ТВД по своему количеству и географическому охвату должны соответствовать программам ПРО другой стороны и не представлять реальной угрозы для стратегических ядерных сил (СЯС) каждой из сторон [Есин, 2009b].

В январе 1997 г. по инициативе республиканцев на рассмотрение Конгресса была вынесена обновленная версия законопроекта о защите Америки (Defending America Act). В последующем этот законопроект получил название «О национальной системе ПРО» (The NMD Act) [Фененко, 2013: 265]. В нем, в частности, указывалось на необходимость достижения договоренности с Россией о внесении поправок в Договор по ПРО, что создало определенные противоречия с ранее достигнутыми российско-американскими соглашениями в этой сфере.

Разрешить указанные противоречия был призван Хельсинкский саммит президентов Б.Н. Ельцина и У. Клинтона, состоявшийся 21 марта 1997 г. На нем было принято совместное заявление, в котором стороны подтвердили свою приверженность Договору по ПРО и условились достигнуть договоренности о разграничении систем стратегической и нестратегической ПРО. Эта договоренность была реализована сторонами одновременно с подписанием 26 сентября 1997 г. российским и американским президентами Нью-Йоркского протокола к Договору СНВ-2². В протоколе было

---

² Полное название этого документа — Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о дальнейшем сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений. Подписан в Москве 3 января 1993 г.

установлено, что система ПРО считается нестратегической до тех пор, пока не испытана против баллистических целей-мишеней со скоростью полета до 5,5 км/с для противоракетных комплексов (ПРК) наземного и воздушного базирования и 4,5 км/с для ПРК морского базирования (при дальности полета баллистических ракет до 3500 км) [Фененко, 2013: 266].

Однако нью-йоркский пакет документов не был ратифицирован американским Конгрессом³. Республиканцы указывали на два обстоятельства, которые, с их точки зрения, были невыгодны США: во-первых, нью-йоркские договоренности ограничивали технические возможности НПРО, во-вторых, они косвенно подтверждали невозможность пересмотра положений Договора по ПРО⁴.

Сложившуюся ситуацию усугубило проведенное 31 августа 1998 г. испытание северокорейской баллистической ракеты повышенной дальности «Тэпходон-1». Это событие вкупе с обнародованным в июле того же года докладом «Комиссии Рамсфелда» об угрозе ракетного удара по США⁵ позволило республиканцам усилить давление на администрацию У. Клинтона, и президент в своем послании Конгрессу 19 января 1999 г. вынужден был заявить о необходимости модификации Договора по ПРО. Речь шла о внесении в него поправок для достижения двух целей. Первая — предоставить каждой из сторон право иметь большее количество стратегических противоракет, чем это предусмотрено Договором [Рогов, 2012: 4]; вторая — разрешить США передвинуть позиционный район для базирования стратегической ПРО с ракетной базы Гранд-Форкс в Северной Дакоте на Аляску, Алеутские и, возможно, Гавайские острова [Фененко, 2013: 266].

В марте 1999 г. Сенат, а в мае того же года Палата представителей Конгресса одобрили разработанный в 1997 г. закон о НПРО, и президент У. Клинтон подписал его 23 июля 1999 г. В законе сказано, что «политикой США является незамедлительное развертывание эффективной системы национальной ПРО, способной защитить территорию страны от ограниченных ударов баллистических

---

³ Россия ратифицировала нью-йоркские договоренности по ПРО в апреле 2001 г. в пакете с Договором СНВ-2.

⁴ Pifer S. The Limits of US Missile Defense // The National Interest. 30 March 2015. Available at: <http://nationalinterest.org/feature/the-limits-us-missile-defense-12503> (accessed: 20.07.2015).

⁵ В этом докладе, в частности, утверждалось, что Северная Корея и Иран способны создать межконтинентальные баллистические ракеты (МБР) в течение 5 лет после принятия решения, причем узнать об этом заранее американская сторона вряд ли сможет. См.: Executive Summary of the Report of the Commission to Assess the Ballistic Missile Threat to the United States. 15 July 1998 // Federation of American Scientists. Available at: <http://www.fas.org/irp/threat/bm-threat.htm> (accessed: 20.07.2015).

ракет, как только для этого появятся технические возможности» [Антонов, 2012: 85]. С этого времени правительство США стало придавать работам в области НПРО приоритетное значение, подкрепляя их исключительно высоким объемом финансирования.

В августе 1999 г. помощник президента США по национальной безопасности С. Бергер представил У. Клинтону план развертывания НПРО, согласно которому к 2010 г. было предусмотрено создание базы противоракет на Аляске и радарной станции на о. Симия (Алеутские острова). Однако состоявшиеся в январе и июле 2000 г. испытания стратегической трехступенчатой твердотопливной противоракеты GBI (Ground Base Interceptor), оснащенной ступенью кинетического перехвата CE-1 EKV, оказались неудачными. Это позволило У. Клинтону 1 сентября 2000 г. заявить о том, что у него «нет достаточной уверенности в технической и боевой эффективности системы НПРО в целом, которая позволила бы приступить к ее развертыванию» [Льюис, 2012]. В этой связи он принял решение не начинать строительство системы НПРО, по сути, оставив этот вопрос на рассмотрение следующего президента.

* * *

На состоявшихся 7 ноября 2000 г. президентских выборах победу одержал республиканец Дж. Буш-мл., который был сторонником скорейшего развертывания полномасштабной НПРО. Он был убежден, что эта система является важным компонентом политики США по национальной безопасности в эпоху распространения ядерного оружия, когда актуализировались новые угрозы, исходящие от так называемых стран-изгоев⁶. На этом фоне вопросы ядерного сдерживания должны быть отодвинуты на второй план. Эта его убежденность всячески поддерживалась вице-президентом Д. Чейни, помощником президента по национальной безопасности К. Райз, министром обороны Д. Рамсфелдом, помощником по политическим вопросам П. Вулфовцом и рядом других членов администрации.

Выступая 1 мая 2001 г. в Национальном университете обороны (National Defense University), Дж. Буш-мл. заявил о необходимости отказа от Договора по ПРО и о своем намерении начать развертывание системы НПРО. Это высказывание он аргументировал следующим образом: «Мы должны выйти за рамки ограничений Договора по ПРО, который не отвечает современным угрозам, а лишь узаконивает правила прошлого <...>. Мы должны стремиться к безопасности, основанной на чем-то большем, чем мрачная посылка “взаимного гарантированного уничтожения” <...>. Нужны новые

---

⁶ К этим странам в США причисляют КНДР и Иран.

концепции сдерживания, которые полагаются на наступательные и оборонительные силы <...>. Оборона может укрепить сдерживание путем уменьшения стимула для распространения»⁷.

Эти намерения Дж. Буша-мл. подкреплялись данными подготовленного в Пентагоне отчета об оценке технического задела разрабатываемых на то время компонентов НПРО. В документе констатировались успехи США в разработке кинетических перехватчиков для усовершенствованной версии зенитно-ракетного комплекса (ЗРК) «Пэтриот» (РАС-3) и комплекса высотной зональной обороны ТХААД (ТНААД), а также трехступенчатых твердотопливных ракет «Стандард-3» (SM-3) с легким кинетическим перехватчиком LEAP комплекса ПРО «Иджис» (Aegis) морского базирования. Что касается стратегических противоракет GBI шахтного базирования, то их готовность была признана неудовлетворительной. Важно, что в отчете было указано на необходимость отказаться от ранее признаваемых различий между программами НПРО и ПРО ТВД и интегрировать все исследования и разработки по ПРО под одним институциональным «зонтиком», для чего была создана Организация по осуществлению ПРО при Министерстве обороны США [Уилкеннинг, 2012]. Позднее, в январе 2002 г., эта структура была переименована в Агентство по ПРО, наделенное особым статусом и широкими полномочиями.

Свои намерения в отношении развертывания НПРО администрация Дж. Буша-мл. подкрепила представленным в Конгресс запросом на финансирование деятельности по ПРО в 2002 финансовом году в объеме 8,3 млрд долл. (запрос увеличился по сравнению с предшествующим финансовым годом более чем в полтора раза) [Newhouse, 2001].

Подобные действия американской администрации вызвали у России опасения, что США собираются не только выйти из Договора по ПРО, но и отказаться от действующей концепции стратегической стабильности. Прошедшие летом 2001 г. российско-американские переговоры по проблеме ПРО завершились безрезультатно, что усугубило напряженную ситуацию, складывавшуюся в отношениях России и США.

Забилло тревогу и руководство Демократической партии, увидев в действиях администрации Дж. Буша-мл. угрозу режиму контроля над вооружениями. 7 сентября 2001 г. по инициативе демократов в Комитете по вооруженным силам Сената была одобрена версия

---

⁷ Bush G.W. Remarks by the President to Students and Faculty at National Defense University. Fort Lesley J. McNair, Washington, D.C. 1 May 2001 // The White House. Office of the Press Secretary. Available at: <http://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2001/05/20010501-10.html> (accessed: 20.07.2015).

закона о бюджетных ассигнованиях на 2002 финансовый год, согласно которой, во-первых, налагался запрет на финансирование любых программ ПРО, не соответствующих Договору по ПРО, во-вторых, 1,3 млрд долл. из запроса администрации президента на программы ПРО перенаправлялись на другие программы Пентагона [Lindsay, O'Hanlon, Glaser, Fetter, 2002]. Таким образом, на пути реализации планов Белого дома по развертыванию НПРО возникли серьезные препятствия.

Ситуация коренным образом изменилась после террористических актов 11 сентября 2001 г. в Вашингтоне и Нью-Йорке. Эти трагические события создали подходящую обстановку для того, чтобы идея тотальной защиты охватила умы законодателей. Теперь те политические издержки, которые ассоциировались с выходом США из Договора по ПРО, стали восприниматься американским обществом как приемлемые при скорейшем развертывании НПРО. В Конгрессе демократы отозвали все ранее внесенные ими поправки к бюджету на 2002 финансовый год в части, касавшейся финансирования программ ПРО. Сыграло свою роль и то обстоятельство, что после того, как Россия, Китай, европейские и азиатские союзники США оказали всестороннюю поддержку Вашингтону в борьбе с терроризмом, утихли международные протесты против выхода США из Договора по ПРО и развертывания ими НПРО.

На состоявшейся 12–13 ноября 2001 г. встрече в Кроуфорде (США) лидеры России и Соединенных Штатов В.В. Путин и Дж. Буш-мл. условились, что выход Вашингтона из Договора по ПРО не приведет к ухудшению российско-американских отношений [Фененко, 2013: 269]. Было также решено, что стороны сохранят систему контроля над вооружениями и консультативные механизмы по ПРО.

13 декабря 2001 г. Дж. Буш-мл. официально уведомил Россию о выходе США из Договора по ПРО, ссылаясь на ст. XV Договора⁸. В качестве исключительных обстоятельств, способствовавших принятию такого решения, американский президент указал: «Как

---

⁸ Статья XV Договора по ПРО гласит: «Каждая из Сторон в порядке осуществления своего государственного суверенитета имеет право выйти из настоящего Договора, если она решит, что связанные с содержанием настоящего Договора исключительные обстоятельства поставили под угрозу ее высшие интересы. Она уведомляет другую Сторону о принятом ею решении за шесть месяцев до выхода из Договора. В таком уведомлении должно содержаться заявление об исключительных обстоятельствах, которые уведомляющая сторона рассматривает как поставившие под угрозу ее высшие интересы» (Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки об ограничении систем противоракетной обороны от 26 мая 1972 года // Центр по изучению проблем контроля над вооружениями, энергетики и экологии. Доступ: <http://www.armscontrol.ru/start/rus/docs/abm-treaty.htm> (дата обращения: 20.07.2015)).

Главкомандующий не могу позволить нам участвовать в соглашении, которое не позволяет нам разрабатывать эффективную защиту»⁹.

Представляется очевидным, что принятое решение о выходе США из Договора основывалось не на достижениях в области технологий ПРО, а на присущем Республиканской партии еще со времен президентства Р. Рейгана (1981–1988) убеждению в том, что возможно построить НПРО, способную обеспечить полную неуязвимость США перед ракетно-ядерным ударом.

Заявление Дж. Буша-мл. о выходе США из Договора по ПРО в России встретили довольно сдержанно, поскольку уже был достигнут «кроуфордский компромисс». Российский президент В.В. Путин лишь высказался, что Дж. Буш-мл. совершил большую ошибку [Фененко, 2013: 269].

Официально США вышли из Договора по ПРО 13 июля 2002 г. Определенной компенсацией для России стало подписание в Москве 24 мая 2002 г. президентами В.В. Путиным и Дж. Бушем-мл. в пакете с Договором о сокращении стратегических наступательных потенциалов (Договор СНП) Совместной декларации о новых стратегических отношениях между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки. В этом документе стороны обязались консультироваться по всем действиям в области развертывания систем ПРО [Ядерное оружие после «холодной войны», 2006: 528]. Через четыре дня, 28 мая, была подписана Римская декларация о переходе России и НАТО к стратегическому партнерству. На ее основе были запущены совместные проекты в области ПРО ТВД [Фененко, 2013: 269, 270]¹⁰.

«Кроуфордский компромисс» позволил сохранить систему стратегической стабильности и механизмы диалога между Россией и США. Однако выход Соединенных Штатов из Договора по ПРО не прошел бесследно — он изменил повестку российско-американских переговоров в области контроля над вооружениями. Теперь стало невозможно продвигаться дальше по пути ядерного разоружения без учета оборонительных вооружений.

---

⁹ Bush G.W. President Discusses Missile Defense. 13 December 2001 // The White House. Available at: <http://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2001/12/20011213-4.html> (accessed: 20.07.2015).

¹⁰ После серии совместных компьютерных командно-штабных учений (с участием США и Канады), проведенных в середине первого десятилетия текущего столетия, сторонам удалось согласовать подходы не только к архитектуре ПРО на Европейском ТВД, но и к совместимости огневых средств ПРО и информационно-управляющих систем. Однако после «пятидневной войны» на Кавказе в 2008 г. совместные программы России и НАТО в области ПРО ТВД были полностью свернуты.

16 декабря 2002 г. Дж. Буш-мл. издал президентскую директиву № 23 по вопросам национальной безопасности, обозначив следующим образом намерения администрации по развертыванию американской ПРО: «К 2004 и 2005 г. системы, которые мы поставим на боевое дежурство, будут состоять из перехватчиков наземного базирования, перехватчиков морского базирования, дополнительных комплексов РАС-3, а также датчиков, размещенных на земле, в море и космосе. В дополнение США будут просить разрешения у Великобритании и Дании на усовершенствование радаров раннего предупреждения в Файлингдейлсе и Туле (Гренландия) как составных частей наших функциональных возможностей»¹¹.

Еще до издания этой директивы в планах США в отношении ПРО произошли три радикальных изменения. Во-первых, в программе ПРО было ликвидировано разграничение между зональными (ПРО ТВД) и общенациональными (НПРО) системами, которые теперь стали рассматриваться как элементы интегрированной, глобальной системы ПРО, предназначенной для перехвата ракет любого радиуса действия на всех участках траектории их полета — разгонном, среднем и конечном. Во-вторых, 15 июня 2002 г. началось строительство объектов базы ПРО в Форт Грили на Аляске в целях развертывания там системы заатмосферного перехвата наземного базирования GBMD (Ground-Based Midcourse Defense) с противоракетами GBI, хотя эти противоракеты на то время не прошли всех необходимых испытаний [Льюис, 2012]¹². В-третьих, было решено развернуть еще одну базу ПРО системы GBMD в Калифорнии (на базе ВВС Вандерберг).

Летом 2003 г. Агентство по ПРО разработало план поэтапного развертывания глобальной системы ПРО для решения следующих пяти задач: 1) организация защиты от северокорейских стратегических ракет с учетом того, что КНДР идет быстрыми темпами к созданию ядерного оружия; 2) организация региональной защиты

---

¹¹ National Security Presidential Directive. NSPD-23 // Federation of American Scientists. Available at: <http://fas.org/irp/offdocs/nspd/nspd-23.htm> (accessed: 20.07.2015).

¹² Тем самым был изменен установленный администрацией У. Клинтона подход к развертыванию элементов системы ПРО «Fly before buy» (дословно: «испытай, потом покупай»). При администрации Дж. Буша-мл. закупки элементов системы ПРО стали проводиться согласно принципу «capabilities based approach with spiral development» (дословно: методология оценки возможностей в процессе поступательного развития), что позволяло осуществить развертывание того или иного элемента системы ПРО с возможностью его замены впоследствии на более продвинутую версию. Иными словами, новый подход был ориентирован на то, чтобы разместить силы и средства ПРО как можно раньше, а затем постепенно повышать их эффективность.

группировок вооруженных сил США от угрозы северокорейских ракет меньшей и средней дальности; 3) организация защиты от растущей ракетной угрозы со стороны Ирана; 4) расширение зоны охвата оборонительной системы на европейских союзников; 5) расширение зоны охвата оборонительной системы на восточных союзников [Gronlund, Wright, Lewis, Goyle, 2004].

Столь глобальный характер американской системы ПРО вызвал у России и КНР серьезные сомнения в отношении истинных целей предпринимаемых администрацией Дж. Буша-мл. действий, якобы направленных на защиту США и их союзников от ракетных ударов «стран-изгоев». Расценив эти действия как намерения Вашингтона изменить в свою пользу сложившийся баланс ракетно-ядерных потенциалов, Россия и Китай приняли контрмеры: Москва приступила к качественному совершенствованию своих СЯС в целях придания им способности гарантированного преодоления создаваемой американцами ПРО, а Пекин начал количественное наращивание своего ракетно-ядерного арсенала с одновременным совершенствованием его тактико-технических характеристик [Есин, 2009b]. К принятию подобных контрмер Россию подвигнул и фактический отказ США от выполнения условий «кроуфордского компромисса»: администрация Дж. Буша-мл. лишь формально уведомила Москву о принятых ею решениях по развертыванию системы ПРО, игнорируя при этом главное из взятых обязательств — консультироваться с Россией по всем действиям в этой области [Фененко, 2013: 270]¹³.

Программу по развертыванию системы GBMD решено было осуществлять поэтапно: первоначальный вид она должна была принять в 2004 г, а затем каждые два года было предусмотрено модернизировать ее элементы.

Первоначальная система GBMD должна была состоять из следующих элементов:

- стратегических противоракет GBI (6 единиц на базе Форт Грили и 4 единицы на базе Вандерберг);
- модернизированной радиолокационной станции (РЛС) «Кобра Дейн» на о. Симия (штат Аляска) и модернизированной РЛС сис-

---

¹³ Например, 19 марта 2004 г. Госдепартамент США направил МИД России уведомительную ноту о принятом американской стороной решении развернуть в Калифорнии второй позиционный район системы GBMD и одновременно модернизировать под задачи ПРО радиолокационные станции системы предупреждения о ракетно-ядерном ударе, развернутые в Файлингдейлсе и Туле (Гренландия), а уже на следующий день Министерство обороны США заявило о том, что оно приступает к реализации этого решения.

темы предупреждения о ракетно-ядерном ударе (СПРЯУ) на авиабазе Бил (штат Калифорния), предназначенных для слежения за баллистическими ракетами;

– центра боевого управления и связи на авиабазе Шривер (штат Колорадо) для координации действий всех элементов американской ПРО [Уилкенинг, 2012].

Первая противоракета GBI была размещена в шахте на базе Форт Грили 22 июля 2004 г., а в конце того же года, с учетом предвыборных обещаний Дж. Буша-мл., первоначальная система GBMD была поставлена на боевое дежурство, хотя к тому моменту на базе Вандерберг были размещены лишь 2 из 4 противоракет GBI, а большая часть оборудования и программного обеспечения системы не прошла полного цикла испытаний [Уилкенинг, 2012].

В январе 2005 г. Дж. Буш-мл. вступил во второй срок президентства с твердым намерением полностью завершить развертывание системы GBMD к окончанию своих президентских полномочий в 2008 г. На первом этапе развития этой системы (до конца 2006 г.) было предусмотрено увеличить количество противоракет GBI на базе Форт Грили до 16 единиц, а на базе Вандерберг довести их число до 4, модернизировать РЛС в Файлингдейлсе и ввести в строй новую мощную РЛС X-диапазона морского базирования, размещенную на переоборудованной буровой платформе. На следующем этапе (до конца 2008 г.) планировалось довести количество противоракет на базе Форт Грили до 26 единиц, модернизировать РЛС в Туле и РЛС «Пейв Пос» на Аляске, а также усовершенствовать систему управления и связи созданной противоракетной системы заатмосферного перехвата [Уилкенинг, 2012].

Успешной реализации этих планов благоприятствовали обстоятельства, сложившиеся как внутри страны, так и на международной арене. Республиканское большинство в Конгрессе, убежденное в состоятельности северокорейской ракетной угрозы [Есин, 2013]¹⁴, поддерживало запросы администрации Дж. Буша-мл. на финансирование Агентства по ПРО в полном объеме, выделяя значительные суммы — порядка 10 млрд долл. ежегодно [Дворкин, 2009]. Убежденность в правильности предпринимаемых администрацией США шагов по развертыванию глобальной системы ПРО укреп-

---

¹⁴ КНДР провела 5 июля 2006 г. летное испытание баллистической ракеты большой дальности «Тэпхдон-2», и хотя она вскоре после старта взорвалась, в США этот запуск был расценен как начало практической отработки северокорейской МБР. Спустя 3 месяца, 9 октября 2006 г., в КНДР было проведено первое ядерное испытание, которое стало убедительным свидетельством того, что Пхеньян встал на путь обретения страной ядерного статуса.

лялась в среде законодателей и в связи с усилением иранской ракетной угрозы¹⁵.

Последнее обстоятельство подвигло администрацию Дж. Буша-мл. к принятию в конце 2005 г. решения о развертывании в Европе третьего позиционного района (ТПР) системы GBMD. Это намерение генерал Г. Оберинг, бывший в то время главой Агентства по ПРО, аргументировал следующими словами: «Мы обеспокоены угрозами, которые могут возникнуть из стран Ближнего Востока. Наличие баз с ракетами-перехватчиками в Европе не только усложнит задачу нападения на территорию США, уже прикрываемую строящейся системой национальной ПРО, но в первую очередь обеспечит защиту наших союзников»¹⁶.

Решение о создании ТПР вблизи западных границ России Москва расценила как угрозу национальной безопасности. Подобные действия, как справедливо заметил академик РАН А.Г. Арбатов, имели «ярко выраженный дестабилизирующий и даже провокационный характер в отношении России, прежде всего в политическом смысле» [Арбатов, 2009]. Были грубо нарушены договоренности о сотрудничестве Москвы и Вашингтона в рамках Совета Россия–НАТО по ПРО в Европе, зафиксированные в подписанной в российской столице 24 мая 2002 г. Совместной декларации о новых стратегических отношениях между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки. Возникло серьезное обострение российско-американских отношений, которое впоследствии переросло в противоракетный кризис между Россией и США/НАТО, крайне негативно сказавшийся на глобальной стратегической стабильности.

* * *

О планах развертывания ТПР в Европе Вашингтон объявил в августе 2006 г. [Lewis, Postol, 2007]. Тогда же появились сообще-

---

¹⁵ Избранный в июне 2005 г. в Иране президент М. Ахмадинежад активизировал программу ракетных испытаний, и иранские специалисты успешно завершили отработку и принятие на вооружение в конце 2005 г. баллистической ракеты средней дальности (БРСД) «Шехаб-3» с осколочно-фугасной головной частью, а в 2006 г. — с кассетной головной частью. В том же году иранским ученым удалось обогатить уран по изотопу U-235 до 3,5%, что открыло «окно возможностей» для овладения технологией наработки урана оружейного качества. См.: Ядерный и ракетный потенциал Ирана: совместная техническая оценка угроз экспертами США и России // Институт Восток–Запад. Доступ: <http://www.eastwest.ngo/idea/%D1%8F%D0%B4%D0%B5%D1%80%D0%BD%D1%8B%D0%B9-%D0%B8-%D1%80%D0%B0%D0%BA%D0%B5%D1%82%D0%BD%D1%8B%D0%B9-%D0%BF%D0%BE%D1%82%D0%B5%D0%BD%D1%86%D0%B8%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%B0> (дата обращения: 25.07.2015).

¹⁶ Boese W., Miles P. Defending missile defense: an interview with Missile Defense Agency director Lt Gen Henry Obering // Arms Control Today. 2005. November. P. 10–14.

ния о начале консультаций чиновников из администрации президента США с представителями властей Польши и Чехии о размещении компонентов ТПР на территории этих стран. В январе 2007 г. Дж. Буш-мл. сделал официальное предложение Варшаве и Праге [Фененко, 2013: 271]¹⁷; в 2008 г. Соединенные Штаты заключили соответствующие соглашения: в июле — с Чехией, в августе — с Польшей [Золотарев, 2008]¹⁸.

Компонентный состав ТПР предполагал наличие базы ПРО в Польше (вблизи г. Слупска, Приморское воеводство) и РЛС в Чехии (военный полигон Брды вблизи г. Йинца, что в 60 км юго-западнее Праги) [Есин, 2009а]. На базе ПРО было предусмотрено размещение в шахтах 10 двухступенчатых противоракет GBV, испытания которых должны были начаться не ранее 2010 г.

Москва крайне болезненно отреагировала на эти соглашения, заявив, что реальных угроз, оправдывающих развертывание ТПР, не существует. Выступая 5 ноября 2008 г. с ежегодным посланием Федеральному Собранию Российской Федерации, президент Д.А. Медведев (избран в марте 2008 г., вступил в должность в мае 2008 г.) заявил о мерах «эффективного противодействия» американским планам по ТПР. Глава российского государства предложил воздержаться от расформирования ракетной дивизии в Козельске (Калужская область), а «при необходимости» развернуть в Калининградской области оперативно-тактический ракетный комплекс «Искандер»¹⁹. Он также пообещал действия по радиоэлектронному подавлению новых объектов американской ПРО.

Заявление Д.А. Медведева усилило настороженность «старой Европы» по отношению к ТПР. Президент Франции Н. Саркози, председательствовавшей на тот момент в Европейском союзе, призвал стороны не спешить с реализацией ракетных планов и обсудить возникшую проблему на саммите Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ). Его поддержал глава итальянского правительства С. Берлускони.

В свою очередь Конгресс США, большинство в обеих палатах которого после промежуточных выборов 2006 г. получили демократы, при рассмотрении бюджетного запроса администрации Дж. Буша-мл. на 2008 финансовый год счел чрезмерными расходы на ПРО. В отношении ТПР было одобрено выделение лишь

---

¹⁷ На этот раз Россия даже не получила от США официального уведомления об их намерении развернуть ТПР системы GMBD в Европе.

¹⁸ Эти соглашения не были ратифицированы и в силу не вступили.

¹⁹ Оперативно-тактический ракетный комплекс «Искандер» имеет дальность стрельбы до 500 км, что позволяет ему при дислокации в западной части Калининградской области надежно поразить американскую базу ПРО в Польше.

85 млн долл. на обследование участков местности для развертывания его компонентов, но при этом полностью отказано в расходах на строительство объектов [Podvig, 2008].

Москва позитивно отреагировала на заявления лидеров Франции и Италии, декларировав свою готовность к поиску взаимоприемлемого компромисса. Выступая 15 ноября 2008 г. в Вашингтоне во влиятельной неправительственной организации «Совет по международным отношениям», Д.А. Медведев, касаясь темы ПРО, подчеркнул, что «развязать» эту проблему можно «либо путем налаживания между Москвой и Вашингтоном сотрудничества в сооружении подлинно глобальной системы ПРО, либо путем действительного учета американской стороной нынешних обеспокоенностей России» [Есин, 2009а].

Однако обозначившиеся подвижки в урегулировании проблемы ТПР были сведены на нет решениями, принятыми на заседании Совета НАТО 2–3 декабря 2008 г. в Брюсселе. В итоговом коммюнике был зафиксирован курс Североатлантического альянса на создание общенатовской ПРО с подключением к ней европейского сегмента ПРО США [Podvig, 2010]. Тем самым Россия была устранена от участия в формировании системы европейской ПРО (ЕвроПРО) и, стало быть, обречена на неизбежное противостояние с США/НАТО в данной сфере. Это в свою очередь создало новые угрозы не только европейской, но и в целом международной стабильности.

Придя к власти в январе 2009 г., президент США Б. Обама провозгласил курс на «перезагрузку» отношений с Россией и объявил о ревизии программ ПРО, пообещав учесть обеспокоенность Москвы планами развертывания ТПР. Это обещание он сдержал, отменив 17 сентября 2009 г. план создания ТПР [Wright, Gronlund, 2009]. Отказ от ТПР означал намерение администрации Б. Обамы предотвратить внешнеполитическую конфронтацию с Россией и был воспринят Москвой как «шаг в нужном направлении» [Lewis, Postol, 2010].

В целостном виде новые тенденции политики США в области ПРО Пентагон представил 1 февраля 2010 г. в обзорном докладе по ПРО (Ballistic Missile Defense Review Report)²⁰. В этом концептуальном документе главным приоритетом американской противоракетной программы было провозглашено развертывание средств нестратегической ПРО в различных регионах мира, а противора-

---

²⁰ Ballistic Missile Defense Review Report // U.S. Department of Defense. February 2010. Available at: http://www.defense.gov/bmdr/docs/BMDR%20as%20of%2026JAN10%200630_for%20web.pdf (accessed: 30.07.2015).

кетным планам придавалась более гибкая и технически совершенная форма с большими возможностями маневра как по срокам развертывания, так и по территориально-технологической конфигурации. Скорректированные подходы США к развитию систем ПРО предполагают высокую мобильность последних, их повышенную адаптивность к складывающейся ситуации и возможность быстрого развертывания в различных регионах.

В апреле 2010 г. в Праге президенты Д.А. Медведев и Б. Обама подписали новый Договор по СНВ²¹. Стороны, взяв обязательства по дальнейшему сокращению и ограничению своих стратегических наступательных вооружений (через 7 лет после вступления Договора в силу иметь не более 1550 боезарядов на не более чем 700 развернутых носителях), признали наличие взаимосвязи между стратегическими наступательными и стратегическими оборонительными вооружениями, а также возрастающую важность этой взаимосвязи в процессе сокращения СЯС.

Москва, опираясь на указанное положение Договора СНВ-3, попыталась зафиксировать обязательства сторон в отношении количества развертываемых ими районов стратегической ПРО и числа перехватчиков в них. С этой целью МИД России разработал соответствующий проект дополнительного протокола к новому Договору по СНВ, но на состоявшихся в Москве 24 июня 2010 г. переговорах между Д.А. Медведевым и Б. Обамой американская сторона отвергла российское предложение [Лавров, 2010].

Осенью 2010 г. Москва предприняла очередную попытку урегулировать проблему ЕвроПРО, воспользовавшись проведением в Лиссабоне (Португалия) 20–21 ноября саммита НАТО и заседания Совета Россия–НАТО. Президент Д.А. Медведев предложил создать коллективную ЕвроПРО, построенную на принципе ответственности за противоракетную защиту Европы двух секторов ПРО — российского и натовского, которые будут взаимодействовать друг с другом при отражении общих ракетных угроз через совместный центр обмена данными об этих угрозах [Фененко, 2013: 281]. Однако 9 января 2011 г. Совет НАТО принял решение, что система ЕвроПРО будет создаваться без участия России, на основе так называемого Европейского поэтапного адаптивного подхода (ЕПАП), о котором президент США Б. Обама официально объявил на лиссабонском саммите [Cole, 2009]. Согласно ЕПАП предусмотрено четыре этапа создания ЕвроПРО, каждый из кото-

---

²¹ Полное название этого документа — Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений. Этот договор известен как Договор СНВ-3, а также как Пражский договор.

рых должен завершиться соответственно к концу 2011, 2015, 2018 и 2020 гг.

О завершении первого этапа ЕПАП было заявлено на саммите НАТО в Чикаго, прошедшем 20–21 мая 2012 г. К тому времени на боевое дежурство в Средиземное море вышел американский крейсер «Монтерей», оснащенный системой ПРО «Иджис» с противоракетами SM-3 Block 1A, в Турции был развернут радар передового базирования AN/TPY-2, а в Германии на авиабазе Рамштайн вошел в строй Центр управления ПРО с системой С2ВМС, который придал начальную степень боеспособности активной эшелонированной ПРО ТВД государств НАТО (согласно программе ALTBMD, начатой в 2005 г. и предусматривающей сопряжение радаров и огневых противоракетных средств стран альянса в одну систему) [Рогов, 2012: 8].

Второй этап ЕПАП сегодня близок к завершению: в Румынии (база Девеселу) заканчивается развертывание наземного ПРК «Иджис Эшор» (Aegis Ashore) с 24 противоракетами SM-3 Block 1B, который должен заступить на боевое дежурство в конце 2015 г. С 2014 г. в Испании на военно-морской базе Рота базируются два американских эсминца, оснащенных системой ПРО «Иджис» с противоракетами SM-3 Block 1B, а еще два аналогичных корабля появятся там в 2015 г. Система ПРО ТВД стран НАТО обретет способность перехватывать ракеты средней дальности за счет замены в ЗРК «Пэтриот» (PAC-2) противоракет SM-2 Block 4 на более совершенные противоракеты SBT-1 [Лесков, 2015].

На третьем этапе ЕПАП намечены принятие на вооружение и развертывание новой противоракеты SM-3 Block 2A²². Предусмотрено создание в Польше (н.п. Редзиково вблизи г. Слупска) базы ПРО, оснащенной ПРК «Иджис Эшор» с 24 противоракетами SM-3 Block 2A. Кроме того, запланирована модернизация кораблей с системой ПРО «Иджис» за счет, во-первых, замены на них радара AN/SPY-1D на новую радарную станцию AMDR, включающую два радара S- и X-диапазона, сопряженных контроллером, во-вторых, оснащения их противоракетами SM-3 Block 2A. На эти же противоракеты будет перевооружена и база ПРО в Девеселу. На вооружение ЗРК «Пэтриот» (PAC-2) поступят новые противоракеты SBT-2. Система ПРО ТВД стран НАТО достигнет степени полной оперативной готовности [Рогов, 2012: 11, 12].

---

²² Впервые проведенные в июне 2015 г. в акватории Тихого океана летные испытания противоракеты SM-3 Block 2A были признаны успешными. Ожидается, что противоракета SM-3 Block 2A будет принята на вооружение на рубеже 2016–2017 гг. См.: Козин В. ПРО с претензией на глобальность // Независимое военное обозрение. 2015. 3 июля.

В рамках четвертого этапа ЕПАП было намечено реализовать дополнительные возможности по защите территории США от межконтинентальных баллистических ракет (МБР), запускаемых из Ближневосточного региона. Планировалось оснастить базы ПРО в Румынии и Польше перспективной противоракетой SM-3 Block 2B, способной осуществлять перехват МБР на среднем участке траектории их полета [Mankoff, 2012]. Однако в 2013 г. президент Б. Обама отказался от реализации четвертого этапа ЕПАП (по крайней мере, в заявленный срок), прекратив финансирование программы разработки противоракеты SM-3 Block 2B. По-видимому, возникли непреодолимые на сегодня технические проблемы при создании этой противоракеты, а также сказалось урезание бюджета Пентагона.

Москва, обеспокоенная тем, что по завершении третьего и четвертого этапов ЕПАП ЕвроПРО может обрести стратегический характер (это опасение несколько снизилось после отмены четвертого этапа, но не исчезло), предприняла попытку получить от США/НАТО юридические гарантии ненаправленности этой системы против СЯС России [Фененко, 2013: 284]²³. Однако состоявшиеся летом и осенью 2011 г. и в первой половине 2012 г. переговоры по этому вопросу в самых разных форматах результатов не принесли [Фененко, 2013: 282–284]. Как следствие, у российского военно-политического руководства возникло устойчивое убеждение, что создаваемая ЕвроПРО направлена против СЯС России, поэтому визит президента В.В. Путина (он был вновь избран на этот пост в марте 2012 г.) на саммит НАТО в Чикаго 19 мая 2012 г. не состоялся.

На чикагском саммите альянса и в последующем были сделаны заявления со стороны американских и натовских официальных лиц о том, что ЕвроПРО не несет угрозы для СЯС России. Однако это не устроило Москву, и она продолжала прилагать дипломатические усилия по урегулированию проблемы ЕвроПРО с учетом озабоченностей РФ. Так продолжалось до 25 марта 2014 г., когда в связи с ситуацией вокруг «украинского кризиса» министры иностранных дел стран — членов НАТО приняли решение о приостановке практического сотрудничества с Москвой в формате Совета Россия—НАТО, сохранив лишь политический диалог на уровне послов при альянсе. В результате проблема ЕвроПРО остается неурегулированной и является одной из самых болезненных в отношениях между нашей страной и США/НАТО.

---

²³ Такие гарантии виделись в Москве как согласованные в Совете России—НАТО действенные и предметные решения относительно замысла и архитектуры ЕвроПРО, подкрепленные выработкой четких критериев, которые позволили бы оценивать влияние противоракетных систем на стратегическую стабильность.

Американские планы по созданию региональных систем ПРО не ограничены Европой, они распространяются на Азиатско-Тихоокеанский регион, Ближний Восток и зону Персидского залива. При этом в качестве модели для создания противоракетных щитов в этих регионах принят ЕПАП, адаптированный к специфическим региональным угрозам и возможностям по их парированию.

Япония стала первой союзницей США, наладившей сотрудничество с Вашингтоном в области региональной ПРО. После проведения в августе 1998 г. уже упомянутого летного испытания северокорейской баллистической ракеты «Тэпходон-1» [Есин, 2013]²⁴ правительство Японии поручило Оборонному агентству начать разработку системы противоракетной защиты территории страны совместно с Соединенными Штатами, а выход КНДР в начале 2003 г. из ДНЯО подвиг японского премьер-министра Д. Коидзуми принять решение о развертывании в Японии во взаимодействии с США эшелонированной системы ПРО (до этого участие Токио в соответствующих американско-японских разработках было весьма скромным с финансовой точки зрения). Это решение предполагало приобретение Японией у США ЗРК «Пэтриот» (РАС-3) и оснащение японских эсминцев американской системой ПРО «Иджис» с противоракетами SM-3 [Уилкенинг, 2012].

В декабре 2005 г. японское правительство объявило, что вложит до 1,5 млрд долл. в реализацию совместной с Вашингтоном программы ПРО в регионе (на тот момент ее общая стоимость оценивалась приблизительно в 3 млрд долл.), после чего Госдепартамент США официально заявил, что Япония стала самым значимым партнером Соединенных Штатов в области ПРО [Kaneda, Kobayashi, Tajima, Tosaki, 2007].

Сегодня ПРО Японии представляет собой эшелонированную систему, которая включает боевые корабли с системой ПРО «Иджис», ЗРК «Пэтриот» (РАС-3), мобильные РЛС раннего предупреждения и инфраструктуру боевого управления.

Морской эшелон состоит из 4 эсминцев типа «Конго», оснащенных американской системой ПРО «Иджис». В ближайшей перспективе количество таких кораблей будет увеличено до 6 единиц. Наземный эшелон составляют 11 баз ПРО с ЗРК «Пэтриот» (РАС-3). Задача обнаружения пусков баллистических ракет возложена на РЛС FPS-XX, созданную японцами и обладающую такими

---

²⁴ Эта ракета пролетела над Японией и упала в воды Тихого океана на расстоянии около 1600 км от места старта.

же характеристиками, как и американская РЛС AN/TPY-2. Всего на территории страны планируется разместить 4 РЛС FPS-XX.

Возможности японской ПРО были существенно наращены за счет развертывания в Японии на американских военных базах ЗРК «Пэтриот» (РАС-3) и двух радаров AN/TPY-2 (первый из них был развернут в 2006 г., второй — в 2014 г.) [Уилкенинг, 2012]²⁵. В июне 2015 г. на американскую военно-морскую базу «Йокосука», расположенную у входа в Токийский залив, прибыл ракетный крейсер «Ченселлорсвилл», оснащенный системой ПРО «Иджис». Это первый из трех американских кораблей с подобной системой, которые запланировано до конца 2017 г. разместить на базе «Йокосука» на постоянной основе²⁶.

Укреплению американо-японского сотрудничества в области ПРО способствует совместная разработка более совершенной модификации противоракеты SM-3 Block 2A. Этот факт свидетельствует о том, что взаимодействие двух стран по ПРО перешло на стадию партнерства.

Республика Корея также плотно сотрудничает с США в области ПРО. Создание системы противоракетной защиты этой страны началось в конце 2004 г. со строительства первого из трех южнокорейских эсминцев типа KDX-III, оснащенных американской системой ПРО «Иджис»²⁷. Группировка американских войск, дислоцированная на территории Республики Корея, имеет на вооружении несколько батарей ЗРК «Пэтриот» (РАС-3), что усиливает противоракетную защиту государства.

В настоящее время Республика Корея и США продолжают выработать базовые требования к будущей совместной системе ПРО. В средствах массовой информации в мае 2015 г. появилась информация о том, что следует ожидать не только закупок южнокорейцами американских ЗРК «Пэтриот» (РАС-3), но и размещения на территории страны РЛС AN/TPY-2 и мобильных комплексов противоракетной системы ТХААД²⁸.

Москва и Пекин неоднократно выражали обеспокоенность возможностью базирования в Республике Корея американской системы ТХААД, а в конце марта 2015 г. МИД России было сделано

---

²⁵ Тищенко Г. Противоракетные ловушки установят по всему свету // Независимое военное обозрение. 2015. 31 июля.

²⁶ «Крейсер-сдерживатель» прибыл в Японию // Военно-промышленный курьер. 2015. 24 июня.

²⁷ Ромашкина Н. США опутывает планету комплексами ПРО // Независимое военное обозрение. 2013. 25 янв.

²⁸ США рассматривают возможность размещения комплексов ПРО в Южной Корее // РИА Новости. 28.05.2015 г. Доступ: <http://ria.ru/world/20150528/1009656838.html> (дата обращения: 05.08.2015).

официальное заявление о том, что подобное развитие событий не может не настораживать Москву с учетом деструктивного характера влияния глобальной системы ПРО США на международную безопасность и стратегическую стабильность²⁹.

После появления в СМИ указанной информации в Вашингтоне сочли необходимым отреагировать на нее. Министр обороны Э. Картер заявил, что США не готовы начинать обсуждение возможного размещения противоракетной системы ТХААД на юге Корейского полуострова³⁰.

Вместе с тем американское военно-политическое руководство не раз заявляло о том, что в случае повышения северокорейской ракетной угрозы Соединенные Штаты готовы к совместной работе с Республикой Корея над укреплением противоракетной защиты своего союзника³¹. В этой связи, например, проведение КНДР летного испытания нового образца баллистической ракеты вполне может послужить своеобразным спусковым крючком для принятия Вашингтоном и Сеулом согласованного решения о развертывании на южнокорейской территории противоракетной системы ТХААД. Известно, что возможные места дислокации этого комплекса уже были проинспектированы американскими военными³².

История сотрудничества США и Тайваня в сфере защиты от ракетных угроз берет свое начало в 1995–1996 гг., когда КНР провела серию ракетных испытаний в районе Тайваньского пролива. Переговоры между Тайбэем и Вашингтоном о поставках Тайваню американских противоракетных систем велись довольно продолжительное время, поскольку американцы опасались негативной реакции Пекина. Лишь в конце президентства Дж. Буша-мл. (декабрь 2008 г.) Министерство обороны США утвердило пакет продажи оружия и военной техники Тайваню на общую сумму 6,5 млрд долл. (согласно закону США об отношениях с Тайванем 1979 г. Соединенные Штаты могут продавать острову только оборонительные виды вооружения), который включал поставку 12 ЗРК «Пэтриот» (РАС-3) и 330 ракет к ним. Первые поставки этих вооружений на островную территорию были осуществлены в середине 2009 г.³³

Решение об оказании помощи Тайваню в создании системы ПРО Вашингтон аргументировал наличием у КНДР ракетно-ядерного оружия и угрозой его применения против стран — союзников

---

²⁹ Южную Корею используют, как Польшу // Военно-промышленный курьер. 2015. 1 апр.

³⁰ Зарубежное военное обозрение. 2015. № 6. С. 100.

³¹ Ромашкина Н. Указ. соч.

³² Тищенко Г. Указ. соч.

³³ Ромашкина Н. Указ. соч.

США в Юго-Восточной Азии. Однако в Пекине это решение назвали фактом, серьезно отравляющим двусторонние отношения с США³⁴.

В настоящее время Тайвань создает систему ПРО, включающую наземную и морскую составляющие: радары, ЗРК «Пэтриот» и эсминцы, оснащенные американской системой ПРО «Иджис».

Сотрудничество Соединенных Штатов с Австралией в сфере ПРО началось в конце 1990-х годов. Вашингтон тогда проявил заинтересованность в использовании австралийской загоризонтной РЛС «Джиндали» (Jindalee) для обнаружения запусков баллистических ракет.

Официально правительство Австралии присоединилось к участию в совместной с США системе ПРО в конце 2003 г. В 2004 г. страны подписали Меморандум о взаимопонимании в сфере сотрудничества в области ПРО, а в следующем году — двусторонний документ, расширяющий исследования и развитие противоракетных систем³⁵.

В 2006 г. Австралия заказала у США 3 комплекта системы ПРО «Иджис» (в том числе вертикальные пусковые установки Mk41 и противоракеты SM-3 к ним) для оснащения трех своих эсминцев. Спустя 2 года австралийское правительство направило запрос Соединенным Штатам о возможности поставки дополнительных комплектов системы ПРО «Иджис» для установки их на трех новых эсминцах типа AWD³⁶. Первый из этих эсминцев был принят на вооружение в 2013 г.

Следует также отметить, что в 2007 г. США, Япония и Австралия подписали трехсторонний Договор по сотрудничеству в области ПРО.

На Ближнем Востоке у Соединенных Штатов сложилось тесное взаимодействие по ПРО с Израилем. Оно началось в 1988 г., когда страны подписали Меморандум о взаимопонимании в области ПРО. Это открыло возможность для создания израильскими и американскими военно-промышленными корпорациями, во-первых, ПРК «Стрела» (Arrow), способных поражать баллистические ракеты, запущенные с расстояния до 3000 км, во-вторых, двух систем защиты — от ракет малой дальности («Железный купол») и мин («Праша Давида»)³⁷. В сентябре 2008 г. США разместили на территории Израйла радар AN/TPY-2, что позволило существенно нарастить

---

³⁴ Там же.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же.

возможности информационно-разведывательного компонента ПРО Израиля по раннему предупреждению о ракетном нападении.

В настоящее время ведутся совместные израильско-американские работы по созданию следующих поколений ПРК «Стрела» — Arrow-3 и Arrow-4. Первый находится на завершающей стадии летных испытаний, его принятие на вооружение возможно в 2015 г. Комплекс Arrow-4 создается с усовершенствованным радаром «Грин пайн» (Green Pine), дальность обнаружения баллистических целей у которого составляет более 700 км. Завершение его разработки возможно на рубеже 2020 г.³⁸

В зоне Персидского залива США намерены создать «кооперативную» ПРО с участием стран — членов Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива. Бывший глава Пентагона Ч. Хейгел предлагал Бахрейну, Катару, Кувейту, Объединенным Арабским Эмиратам, Оману и Саудовской Аравии совместно финансировать закупку и развертывание американских систем ПРО в этом районе. По его мнению, примером подобного сотрудничества может служить ПРО НАТО³⁹.

Все указанные государства покупали или продолжают приобретать у США системы ПВО/ПРО «Пэтриот» (РАС-2/РАС-3) и необходимые для них РЛС. В наибольших масштабах закупки данных вооружений осуществляют Объединенные Арабские Эмираты и Саудовская Аравия. Так, в июле 2015 г. Госдепартамент США одобрил продажу Саудовской Аравии новой партии зенитных управляемых ракет РАС-3 на сумму 5,4 млрд долл.⁴⁰

Развивая сотрудничество по ПРО со странами Азиатско-Тихоокеанского региона, Ближнего Востока и Персидского залива, Соединенные Штаты преследуют конечную цель объединить в единое целое создаваемые региональные системы ПРО с включением их в качестве составных частей в глобальную систему ПРО США. Подобную линию Вашингтон реализует и в Европе, где создаваемая ЕвроПРО, по сути, является европейским сегментом американской системы противоракетной обороны.

* * *

Таким образом, становится вполне очевидно, что США создают глобальную (по архитектуре и числу вовлеченных стран) систему ПРО с максимально возможным приближением противоракетных средств к потенциальным районам старта баллистических ракет.

---

³⁸ Козин В. Указ. соч.

³⁹ Тищенко Г. Указ. соч.

⁴⁰ Эр-Рияд нуждается в «продвинутых Патриотах» // Военно-промышленный курьер. 2015. 5 авг.

Эта эшелонированная противоракетная система включает три основные подсистемы: информационного обеспечения, ударных (огневых) комплексов ПРО, боевого управления и связи.

Анализ опубликованного в марте 2015 г. доклада Пентагона о состоянии американской ПРО за 2014 г. (2014 Assessment of the Ballistic Missile Defense System⁴¹) позволяет сделать следующие обобщенные оценки ее подсистем.

На *информационную подсистему* возложены задачи, связанные с обнаружением и сопровождением баллистических целей (БЦ), выдачей информации о целевой и помеховой обстановке на командные пункты ПРО, наведением средств дальнего перехвата. Для решения этих задач данная подсистема располагает космическими аппаратами (КА) оптико-электронной разведки инфракрасного диапазона на геостационарной орбите (5 КА системы IMEWS и 2 КА системы SBIRS) и на высокоэллиптических орбитах (3 КА системы SBIRS); наземными радиолокационными постами СПРЯУ и контроля космического пространства (5 модернизированных и 2 модернизируемых); 1 РЛС SBX морского базирования на плавучей платформе; 4 наземными РЛС передового базирования AN/TPY-2: корабельными РЛС AN/SPY-1, установленными на крейсерах и эсминцах, оснащенных системой ПРО «Иджис».

Приоритетами на наращивание возможностей информационной подсистемы являются завершение развертывания полноценной системы SBIRS [Buontempo, 2015]⁴² и модернизация корабельных РЛС. Финансирование работ по созданию космической системы PTSS [Handberg, 2015]⁴³ и авиационных инфракрасных средств обнаружения и сопровождения БЦ на беспилотных летательных аппаратах (программа ABIR) прекращено с 2014 финансового года.

На *подсистему ударных комплексов ПРО* возложена задача поражения БЦ на всех участках траектории их полета. В ее составе развернуты наземные ПРК дальнего перехвата (30 противоракет GBI), 4 наземные батареи ТХААД (развертывание пятой на о. Гуам будет завершено в 2015 г.), мобильные ПРК наземного базирования «Пэтриот» с суммарным количеством противоракет PAC-3 более 1200 единиц и ПРК морского базирования «Иджис» с проти-

---

⁴¹ 2014 Assessment of the Ballistic Missile Defense System (BMDS). 23 March 2015 // Office of the Secretary of Defense. Washington, D.C., Operational Test and Evaluation. Available at: <http://www.dtic.mil/docs/citations/ADA617330> (accessed: 14.08.2015).

⁴² По мере развертывания эта система полностью заменит устаревшую систему IMEWS. Вывод на геостационарную орбиту третьего КА системы SBIRS запланирован на декабрь 2015 г.

⁴³ В составе этой системы планировалось развернуть группировку КА на круговых орбитах высотой до 1600 км, что позволило бы контролировать всю траекторию полета БЦ.

воракетами семейства «Стандард-3» (всего 33 корабля с более 150 противоракетами, к концу 2015 г. — 35 кораблей с более 200 противоракетами).

Как уже было отмечено, в 2015 г. войдет в строй база ПРО в Девеселу (24 противоракеты SM-3 Block 1B), а в 2018 г. — база ПРО в Редзиково (24 противоракеты SM-3 Block 2A). В 2016 г. Пентагон должен определиться с возможным строительством на восточном побережье США третьего позиционного района системы дальнего перехвата [Вильданов, 2015]⁴⁴, а в 2017 г. — завершить развертывание в Форт Грили дополнительно 14 противоракет GBI. К 2020 г. предусмотрено увеличить количество развернутых батарей ТХААД до 10 единиц, а кораблей с системой ПРО «Иджис» — до 90 единиц [Buontempo, 2015].

Вместе с тем с 2010 финансового года прекращено финансирование проектов по созданию мобильного ПРК с противоракетой дальнего перехвата KEI и многоэлементной боевой ступени MKV для противоракеты GBI, а в 2013 г. закрыты программы по созданию противоракет космического базирования и лазерного комплекса воздушного базирования ABL [Buontempo, 2015]. Это существенно ограничило возможности по наращиванию потенциала подсистемы ударных комплексов ПРО.

На *подсистему боевого управления и связи* возложены задачи управления совместной работой информационной и ударной подсистем (включая целераспределение), а также обработки информации об обстановке и результатах выполнения боевых задач. Данная подсистема включает пункты управления силами и средствами ПРО, пункты управления пуском противоракет GBI, сети передачи данных и связи и др. Централизованное управление глобальной системой ПРО США осуществляется из Центра боевого управления и связи, размещенного на авиабазе Шривер.

К 2020 г. предусмотрено провести мероприятия, направленные на повышение надежности и эффективности функционирования подсистемы боевого управления и связи, включая развертывание дополнительных пунктов управления силами и средствами ПРО.

По существующим оценкам, глобальная система ПРО США в действующем и прогнозируемом на обозримую перспективу (по меньшей мере до середины следующего десятилетия) формате не будет способна сколь-нибудь существенно ослабить россий-

---

⁴⁴ В настоящее время осуществляется выбор места дислокации этого позиционного района с проведением всесторонней оценки последствий его развертывания. Однако решение о его строительстве администрацией Б. Обамы может и не быть принято.

ский потенциал ядерного сдерживания при условии разумной модернизации последнего [Арбатов, 2014: 12].

Однако следует иметь в виду два следующих весомых обстоятельства.

Во-первых, программа ПРО США — это программа с «открытым продолжением», по словам самих американцев [Арбатов, 2010: 239]. Иными словами, ни Вашингтон, ни его союзники не давали и не дают никаких гарантий, что дело ограничится только теми планами по ПРО, которые обнародованы в настоящее время. Следовательно, нельзя исключать, что со сменой администрации в США произойдет ревизия этих планов и могут быть не только реанимированы те программы, от которых отказалась администрация Б. Обамы, но и созданы новые, в том числе предусматривающие развертывание ПРК в космосе, ведь не просто так США всячески игнорируют совместную инициативу России и КНР о заключении международного договора о запрете развертывания в космосе любого оружия.

Во-вторых, возможности глобальной системы ПРО США необходимо оценивать не отдельно, а вкуче с потенциалом американских стратегических наступательных сил (СНС), включающих ныне ядерную триаду и конвенциональные дальнобойные средства быстрого глобального удара. Возможности СНС США в перспективе существенно возрастут, что при условии дальнейшего неограниченного наращивания Соединенными Штатами сил и средств ПРО создаст в их пользу дисбаланс потенциалов сдерживания России и США и тем более КНР и США. Тем самым система стратегической стабильности неизбежно будет нарушена.

В качестве вывода можно сказать, что проводимая Вашингтоном политика в области ПРО характеризуется вызывающим пренебрежением к озабоченностям, высказываемым Россией, КНР, рядом других ведущих государств по вопросам региональной и глобальной безопасности, и ведет к подрыву стратегической стабильности. В нынешних реалиях выхода из сложившейся ситуации не видно, поскольку США категорически не хотят связывать себя никакими обязательствами в плане ограничений в области ПРО. Если отношение Вашингтона к проблеме в ближайшей перспективе не претерпит изменений, миру грозят новый виток гонки вооружений и разрушение существующей системы стратегической стабильности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонов А.И. Контроль над вооружениями: история, состояние, перспективы. М.: РОССПЭН; ПИР-Центр, 2012.

2. Арбатов А. Новая диалектика наступательных и оборонительных стратегических вооружений // Разоружение и безопасность 2013–2014. Стратегическая стабильность: проблемы безопасности в условиях перестройки международных отношений / Отв. ред. А.Г. Арбатов, Н.И. Бубнова. М.: ИМЭМО РАН, 2014. С. 10–24.
3. Арбатов А.Г. ПРО и Договор о ракетах средней и меньшей дальности // Ядерное распространение: новые технологии, вооружения и договоры / Под ред. А. Арбатова, В. Дворкина. М.: РОССПЭН, 2009. С. 182–195.
4. Арбатов А.Г. Уравнение безопасности. М.: РОДП «ЯБЛОКО», 2010.
5. Вильданов М. Состояние и основные направления развития средств ПРО для защиты континентальной части США // Зарубежное военное обозрение. 2015. № 5. С. 19–21.
6. Дворкин В.З. Противоракетная оборона на новом этапе развития // Ядерное распространение: новые технологии, вооружения и договоры / Под ред. А. Арбатова, В. Дворкина. М.: РОССПЭН, 2009. С. 161–181.
7. Есин В.И. Действие и противодействие // Россия в глобальной политике. 2009. Т. 7. № 1. С. 158–163.
8. Есин В.И. Перспективы развития ракетно-ядерного потенциала КНДР // Корейский ядерный кризис: перспективы дезэскалации / Под ред. А.Г. Арбатова, В.З. Дворкина, С.К. Ознобищева. М.: ИМЭМО РАН, 2013. С. 27–40.
9. Есин В.И. Проблема ПРО в глобальной политике // Международные процессы. 2009. Т. 7. № 2 (20). С. 18–30.
10. Золотарев П.С. Противоракетная оборона: история и перспективы // Россия в глобальной политике. 2008. Т. 6. № 3. С. 130–142.
11. Лавров С.В. Новый Договор СНВ в матрице глобальной безопасности // Международная безопасность. 2010. № 7. С. 1–20.
12. Лесков А. О ходе строительства системы противоракетной обороны НАТО // Зарубежное военное обозрение. 2015. № 6. С. 28–30.
13. Льюис Дж. Противоракетные программы и системы США до 2000 г. // Противоракетная оборона: противостояние или сотрудничество? / Под ред. А. Арбатова, В. Дворкина. М.: РОССПЭН, 2012. С. 44–65.
14. Рогов С.М. и др. Десять лет без Договора по ПРО. Проблема противоракетной обороны в российско-американских отношениях. М.: Спецкнига, 2012.
15. Стратегическая стабильность: проблемы безопасности в условиях перестройки международных отношений / Отв. ред. А.Г. Арбатов, Н.И. Бубнова. М.: ИМЭМО РАН, 2014.
16. Уилкенинг Д. Поэтапный адаптивный план США/НАТО // Противоракетная оборона: противостояние или сотрудничество? / Под ред. А. Арбатова, В. Дворкина. М.: РОССПЭН, 2012. С. 102–115.
17. Фененко А.В. Современная международная безопасность: ядерный фактор. М.: Аспект Пресс, 2013.
18. Ядерное оружие после «холодной войны» / Под ред. А. Арбатова, В. Дворкина. М.: РОССПЭН, 2006.
19. Buontempo J. A trajectory for homeland ballistic missile defense // Defense & Security Analysis. April 2015. Available at: <http://dx.doi.org/10.1080/14751798.2015.1014157> (accessed: 22.07.2015).

20. Cole H. Obama shifts gears on missile defense // *Arms Control Today*. 2009. October. P. 19–21.

21. Gronlund L., Wright D., Lewis G., Goyle Ph. Technical realities: An analysis of the 2004 deployment of a US national missile defense system. Union of Concerned Scientists, 2004. Available at: http://www.ucsusa.org/nuclear_weapons_and_global_security/solutions/missile-defense/technical-realities-national.html (accessed: 22.07.2015).

22. Handberg R. The symbolic politics of ballistic missile defense in an imperfect world // *Defense & Security Analysis*. 2015. Vol. 31. Issue 1. P. 44–57.

23. Kaneda H., Kobayashi K., Tajima H., Tosaki H. Japan's missile defense: Diplomatic and security policies in a changing strategic environment. Tokyo: Japan Inst. of Intern. Affairs, March 2007.

24. Lewis G., Gronlund L., Wright D. National Missile Defense: An indefensible system // *Foreign Policy*. 1999–2000. Winter. No. 177. P. 120–137.

25. Lewis G., Postol Th. A flawed and dangerous US Missile Defense Plan // *Arms Control Today*. 2010. May. P. 24–32.

26. Lewis G., Postol Th. European Missile Defense: The technological basis of Russian concerns // *Arms Control Today*. 2007. October. P. 13–18.

27. Lindsay J., O'Hanlon M. *Defending America: The case for Limited National Missile Defense*. Washington Brookings Institution Press, 2001.

28. Lindsay J., O'Hanlon M., Glaser Ch., Fetter S. Limited National and Allied Missile Defense // *International Security*. 2002. Spring. Vol. 26. No. 4. P. 190–201.

29. Mankoff J. The politics of US missile defense cooperation with Europe and Russia // *International Affairs*. 2012. March. Vol. 88. No. 2. P. 329–347.

30. Newhouse J. The Missile Defense debate // *Foreign Affairs*. 2001. July/August. Vol. 80. No. 4. P. 97–109.

31. Podvig P. Barack Obama's missile challenge // *Bulletin of the Atomic Scientists*, 11 November 2008. Available at: <http://thebulletin.org/barak-obamas-missile-defense-challenge> (accessed: 25.07.2015).

32. Podvig P. NATO and the future of missile defense in Europe // *Bulletin of the Atomic Scientists*. 28 October 2010. Available at: <http://thebulletin.org/technical-flaws-obama-missile-defense-plan> (accessed: 30.07.2015).

33. Wright D., Gronlund L. Technical flaws in the Obama missile defense plan // *Bulletin of the Atomic Scientists*. 23 September 2009. Available at: <http://thebulletin.org/technical-flaws-obama-missile-defense-plan> (accessed: 30.07.2015).

V.I. Esin

**U.S. MISSILE DEFENSE POLICY
AND ITS IMPACT ON STRATEGIC STABILITY**

*Institute for the US and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences
2/3 Khlebnyy pereulok, Moscow, 123995*

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The impact of missile defense systems (MDS) on strategic stability manifested itself as early as the 1960s. The US Secretary of Defense Robert McNamara was the first to acknowledge its destabilizing role. In his speech in San

Francisco (1967) he said that a deployment of large-scale MDS by the United States and the Soviet Union would inevitably lead to a perpetual arms race and would undermine strategic stability. He also emphasized the inextricable link between strategic offensive and defensive weapons. However, in sharp contrast to these ideas at the end of the 20th century the United States dramatically intensified the efforts to denounce the obligations pertaining to missile defense made during the Cold War, and to deploy an effective national MDS. The paper examines the evolution of the US missile defense programs. Special attention is paid to the impact of the Third Missile Defense Site program for Europe and the deployment of the European Phased Adaptive Approach on the US-Russian relations. The paper also examines the US plans to build regional MDS in the Asia-Pacific, in the Middle East and the Persian Gulf. The author emphasizes that the ultimate goal of these plans is to develop an integrated global MDS. The paper examines performance and capabilities of different components of the US MDS, which includes three main subsystems: information management, interceptor missiles complexes, and operational control. The author concludes that a successful deployment of the US global integrated missile defense system coupled with a development of the US strategic offensive forces would be detrimental to strategic stability.

Keywords: United States, Missile Defense System, MDS, strategic stability, Third Missile Defense Site, European Phased Adaptive Approach, European Missile Defense System, NATO, Russian Federation, PRC, strategic offensive forces, strategic nuclear forces.

About the author: *Victor I. Esin* — PhD (Military Sciences), Professor of the Russian Academy of Military Sciences; Leading Research Fellow at the Institute for the US and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences; Associate Professor at the Chair of International Security, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University (e-mail: viktor-esin@mail.ru).

Acknowledgements: This work has been accomplished with a financial support from the Russian Foundation for Humanities, research project № 15-37-11136 ‘The Impact of Technological Factors on Parameters of National and International Security, Military Conflicts and Strategic Stability’.

REFERENCES

1. Antonov A.I. 2012. *Kontrol' nad vooruzheniyami: istoriya, sostoyanie, perspektivy* [Arms control: history, current state, prospects]. Moscow, ROSSPEN, PIR-Tsentr Publ. (In Russ.)
2. Arbatov A. 2014. Novaya dialektika nastupatel'nykh i oboronitel'nykh strategicheskikh vooruzhenii [New dialectics of the offensive and defensive strategic arms]. In Arbatov A., Bubnova N. (eds.). *Razoruzhenie i bezopasnost' 2013–2014. Strategicheskaya stabil'nost': problemy bezopasnosti v usloviyakh perestroiki mezhdunarodnykh otnoshenii* [Disarmament and security 2013–2014. Strategic stability: Security issues in the context of the transformation of international relations]. Moscow, IMEMO RAN Publ. (In Russ.)

3. Arbatov A.G. 2009. PRO i Dogovor o raketakh srednei i men'shei dal'nosti [Missile Defense and Intermediate-Range Nuclear Forces Treaty]. In Arbatov A.G., Dvorkin V.Z. (eds.). *Yadernoe rasprostranenie: novye tekhnologii, vooruzheniya i dogovory* [Nuclear proliferation: new technologies, weapons, and treaties]. Moscow, ROSSPEN Publ., pp. 182–195. (In Russ.)

4. Arbatov A.G. 2010. *Uravnenie bezopasnosti* [The security equation]. Moscow, Yabloko Publ. (In Russ.)

5. Vil'danov M. 2015. Sostoyanie i osnovnye napravleniya razvitiya sredstv PRO dlya zashchity kontinental'noi chasti SShA [Current state and key directions for development of missile defense systems to protect the continental part of the US]. *Zarubezhnoe voennoe obozrenie*, no. 5, pp. 19–21. (In Russ.)

6. Dvorkin V.Z. 2009. Protivoraketnaya oborona na novom etape razvitiya [Missile defense at the new stage of development]. In Arbatov A.G., Dvorkin V.Z. (eds.). *Yadernoe rasprostranenie: novye tekhnologii, vooruzheniya i dogovory* [Nuclear proliferation: new technologies, weapons, and treaties]. Moscow, ROSSPEN Publ., pp. 161–181. (In Russ.)

7. Esin V.I. 2009a. Deistvie i protivodeistvie [Action and counteraction]. *Rossiya v global'noi politike*, vol. 7, no. 1, pp. 158–163. (In Russ.)

8. Esin V.I. 2013. Perspektivy razvitiya raketno-yadernogo potentsiala KNDR [Prospects for development of DPRK's nuclear missile potential]. In Arbatov A.G., Dvorkin V.Z., Oznobishchev S.K. (eds.). *Koreiskii yadernyi krizis: perspektivy deeskalatsii* [The North Korean nuclear crisis: prospects for de-escalation]. Moscow, IMEMO RAN Publ., pp. 27–40. (In Russ.)

9. Esin V.I. 2009b. Problema PRO v global'noy politike [Missile defense in global politics]. *Mezhdunarodnye protsessy*, vol. 7, no. 2 (20), pp. 18–30. (In Russ.)

10. Zolotarev P.S. 2008. Protivoraketnaya oborona: istoriya i perspektivy [Missile defense: history and prospects]. *Rossiya v global'noy politike*, vol. 6, no. 3, pp. 130–142. (In Russ.)

11. Lavrov S.V. 2010. Novyi Dogovor SNV v matritse global'noi bezopasnosti [New START in the matrix of global security]. *Mezhdunarodnaya bezopasnost'*, no. 7, pp. 1–20. (In Russ.)

12. Leskov A. 2015. O khode stroitel'stva sistemy protivoraketnoi oborony NATO [On the developing of NATO missile defense]. *Zarubezhnoe voennoe obozrenie*, no. 6, pp. 28–30. (In Russ.)

13. Lewis J. 2012. Protivoraketnye programmy i sistemy SShA do 2000 g. [US missile defense programs and systems before 2000]. In Arbatov A.G., Dvorkin V.Z. (eds.) *Protivoraketnaya oborona: protivostoyanie ili sotrudnichestvo?* [Missile defense: confrontation or cooperation?]. Moscow, ROSSPEN Publ., pp. 44–65. (In Russ.)

14. Rogov S.M. et al. 2012. *Desyat' let bez Dogovora po PRO* [Ten years without ABM Treaty]. Moscow, Spetskniga Publ. (In Russ.)

15. Arbatov A.G., Bubnova N.I. (eds.). 2014. *Strategicheskaya stabil'nost': problemy bezopasnosti v usloviyakh perestroiki mezhdunarodnykh otnoshenii* [Strategic stability: security issues in the context of transformation of international relations]. Moscow, IMEMO RAN Publ. (In Russ.)

16. Wilkening D. 2012. Poetapnyi adaptivnyi plan SShA/NATO [USA/NATO Phased Adaptive Approach]. In Arbatov A.G., Dvorkin V.Z. (eds.). *Pro-*

tivoraketnaya oborona: protivostoyanie ili sotrudnichestvo? [Ballistic missile defense: confrontation or cooperation?]. Moscow, ROSSPEN Publ., pp. 102–115. (In Russ.)

17. Fenenko A.V. 2013. *Sovremennaya mezhdunarodnaya bezopasnost': yadernyi faktor*. [Contemporary international security: Nuclear factor]. Moscow, Aspekt Press Publ. (In Russ.)

18. Arbatov A.G., Dvorkin V.Z. (eds.). 2006. *Yadernoe oruzhie posle 'kholodnoi voiny'* [Nuclear weapons after the Cold War]. Moscow, ROSSPEN Publ. (In Russ.)

19. Buontempo J. 2015. A trajectory for homeland ballistic missile defense. *Defense & Security Analysis*. April. Available at: <http://dx.doi.org/10.1080/14751798.2015.1014157> (accessed: 22.07.2015).

20. Cole H. 2009. Obama shifts gears on missile defense. *Arms Control Today*. October, pp. 19–21.

21. Gronlund L., Wright D., Lewis G., Goyle Ph. 2004. *Technical realities: An analysis of the 2004 deployment of a US National Missile Defense System*. Union of Concerned Scientists. Available at: http://www.ucsusa.org/nuclear_weapons_and_global_security/solutions/missile-defense/technical-realities-national.html (accessed: 22.07.2015).

22. Handberg R. 2015. The symbolic politics of ballistic missile defense in an imperfect world. *Defense & Security Analysis*, vol. 31, issue 1, pp. 44–57.

23. Kaneda H., Kobayashi K., Tajima H., Tosaki H. 2007. *Japan's missile defense: diplomatic and security policies in a changing strategic environment*. Tokyo, Japan Inst. of Intern. Affairs, March.

24. Lewis G., Gronlund L., Wright D. 1999–2000. National Missile Defense: An indefensible system. *Foreign Policy*, Winter, no. 177, pp. 120–137.

25. Lewis G., Postol Th. 2010. A flawed and dangerous US Missile Defense Plan. *Arms Control Today*, May, pp. 24–32.

26. Lewis G., Postol Th. 2007. European Missile Defense: The technological basis of Russian concerns. *Arms Control Today*, October, pp. 13–18.

27. Lindsay J.M., O'Hanlon M.E. 2001. *Defending America: The case for Limited National Missile Defense*. Washington, Brookings Institution Press.

28. Lindsay J., O'Hanlon M., Glaser Ch., Fetter S. 2002. Limited National and Allied Missile Defense. *International Security*, Spring, vol. 26, no. 4, pp. 190–201.

29. Mankoff J. 2012. The politics of US missile defense cooperation with Europe and Russia. *International Affairs*, March, vol. 88, no. 2, pp. 329–347.

30. Newhouse J. 2001. The Missile Defense debate. *Foreign Affairs*, July/August, vol. 80, no. 4, pp. 97–109.

31. Podvig P. 2008. Barack Obama's missile challenge. *Bulletin of the Atomic Scientists*, 11 November. Available at: <http://thebulletin.org/barak-obamas-missile-defense-challenge> (accessed: 25.07.2015).

32. Podvig P. 2010. NATO and the future of missile defense in Europe. *Bulletin of the Atomic Scientists*, 28 October. Available at: <http://thebulletin.org/technical-flaws-obama-missile-defense-plan> (accessed: 30.07.2015).

33. Wright D., Gronlund L. 2009. Technical flaws in the Obama missile defense plan. *Bulletin of the Atomic Scientists*, 23 September. Available at: <http://thebulletin.org/technical-flaws-obama-missile-defense-plan> (accessed: 30.07.2015).